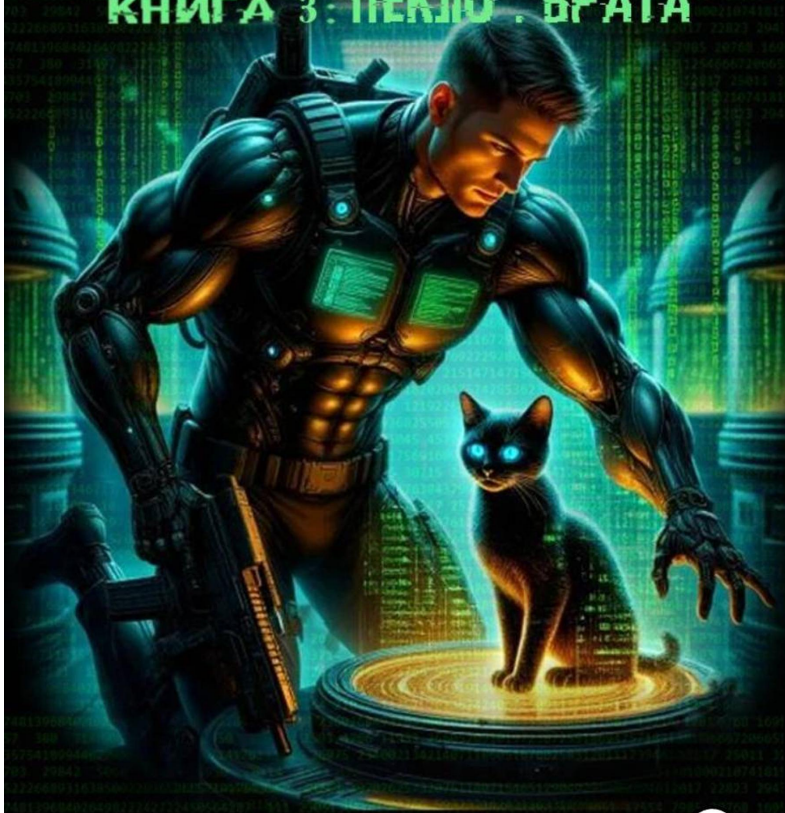

ЛАБИРИНТ: ТЕХНИК ВАВИЛОНА.

КНИГА 3: ПЕКЛО. ВРАТА

18+

МИХАИЛ ДМИТРИЕВИЧ ЛЕДНЕВ

Михаил Леднев
Лабиринт. Пекло. Врата
Серия «Лабиринт», книга 4

<https://litres.ru/74027538>

SelfPub; 2026

Аннотация

Михаил «Домовой» достиг ста процентов интеграции с кодом ...

Это крайняя книга серии.

Содержание

Глава 1. Дорога на запад	4
Глава 2. Пушистый или блохастый?	24
Глава 3 Игрушки для повелителя байтов	41
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Лабиринт. Пекло. Врата

Глава 1. Дорога на запад

Институт остался за горизонтом ещё вчера утром. Жёлтое небо нависало над разбитым шоссе, как старый рваный брезент. Дорога тянулась на запад, петляя между полуразрушенными зданиями и ржавыми остовами машин. Лендровер с пробитой крышей тарахтел двигателем, который Костыль накануне отрегулировал с помощью молитв и отвёртки.

— Третий день пошёл, — сказал Рябой, отрывая губы от фляги с водой. — А я всё никак не привыкну, что тут не светит солнце. Чужая звезда — как гнилая лампочка.

— Не ной, — буркнул Костыль с заднего сиденья. Он чистил свой обрез, и масляные тряпки лежали у него на коленях. — В прошлый раз, когда ты ныл, мы наткнулись на гнездо бегунов.

— Я не ною, я констатирую факт. А гнездо мы нашли, потому что Док не посмотрел по своему сенсу.

Док, сидевший рядом с Костылём, виновато потупился. За два дня он заметно оБТР-ЗДебался: щетина на щеках, под глазами круги. Но взгляд стал твёрже.

— Я смотрю на дорогу, но у меня радиус пока метров триста. И я не могу сканировать постоянно — голова раскалывается.

— Тренируйся, студент, — беззлобно сказал ДомовОй, сидя за рулём. — В Пекле пригодится.

Он сам не понимал, что с ним творится. С самого выезда из Института внутри поселилось странное чувство — будто кто-то перебирает струны его нервов. Кот — голос в наушнике — называл это предстартовой паранойей, но ДомовОй знал: организм реагирует на что-то невидимое. Кристалл Нуля в груди слегка пульсировал, но не тревожно, а скорее настороженно.

Ветра сидела справа, на пассажирском. Она молчала, положив жезл на колени. Её белые глаза смотрели на дорогу без выражения. Ксива устроилась в багажном отсеке на спальнике, поджав ноги. Девушки-ключи почти не разговаривали с остальными, только переглядывались между собой.

— Ночевку сделаем через час, — сказал ДомовОй, сворачивая к придорожной заправке. — Рябой, ты первый в дозор. Костыль — готовка. Док — воду проверить.

Заправка оказалась типичной: две колонки, здание с выбитыми окнами, ни одной целой стекляшки. Ржавые бочки у забора. ДомовОй заглушил двигатель, и тишина навалилась почти физически.

— Кот, обстановка.

Из наушника раздался голос — чуть хриловатый, с вечной ноткой сарказма:

— Сканирование местности: в радиусе километра — три пустыша, один бегун. Все вялые, солнце — тьфу ты, звезда

— клонится к горизонту. Мутанты готовятся к ночной охоте, пока не активны. Радиационный фон в норме, если, конечно, считать нормой тот факт, что вы вообще здесь живы.

— Не умничай. Лучше посмотри, нет ли следов техники на дороге.

— Следы есть, но старые. Дней пять-шесть. Внешники или муры — но, скорее всего, свои же иммунные. Ничего свежего.

Рябой взял автомат и вышел из машины, пригибаясь. Он быстро обошёл здание заправки, заглянул в подсобку, пнул ногой проржавевшую дверь туалета. Вернулся, кивнул:

— Чисто. Но на потолке в кассе гнездо каких-то тварей. Мелких, типа крыс. Не опасны.

— Док, обработай вход живчиком, чтобы запах отбить.

Пока Лёха — Док — возился с пульверизатором, Костыль развёл костерок в старой железной бочке. Пламя давало не столько тепло, сколько иллюзию уюта. Над огнём повесили котелок с водой и банкой тушёнки.

— Разогреваем, — сказал Костыль довольно. — Хлеб у нас ещё есть? Ржаной, с пятницы?

— Есть сухари, — ответил ДомовОй. — Но береги. Мы не знаем, когда следующий кластер с едой попадётся.

Обычный быт : душ из пятилитровой баклажки, нагретой на солнце (или на костре), развешивание полотняных на леске между машиной и столбом, протирка оружия, смена батареек в фонарях. Док обработал царапины на руке спиртом и за-

клеил пластырем. Ксива спала прямо на земле, свернувшись калачиком. Ветра сидела на капоте с закрытыми глазами — может, медитировала, может, слушала что-то, недоступное остальным.

Ночью ДомовОй вставал в дозор дважды. Один раз чуть не выстрелил в тень, оказавшуюся бродячей собакой — мутировавшей, с тремя глазами и гнилыми боками, но не агрессивной. Пёс постоял, посмотрел жёлтыми глазами и ушёл в темноту.

Второй раз Док закричал во сне. Он часто видел кошмары — последствие крещения и получения даров. ДомовОй потряхнул его за плечо:

— Тихо. Всё нормально.

— Мне приснилось... — Док сглотнул. — Будто я вижу смерть. Каждого из вас. Но не могу изменить.

— Сны — не явь, — устало сказал ДомовОй. — Спи дальше. Утром выдвигаемся.

На второй день пути стычек стало больше. Два пустыша выскочили из кювета — едва успели их завалить из автоматов. Потом бегун, шустрый и голодный, напал из-за разбитого автобуса. Рябой положил его короткой очередью, а Док потом извёк из тушки три спорана.

— Добыча небогатая, — проворчал Костыль, вытирая нож о траву. — Но на живчик сойдёт.

— Готовь котёл, — кивнул ДомовОй. — Вечером сварим новую партию. У нас спирт ещё есть, я прикупил в Институ-

те.

За эти два дня команда притёрлась. Рябой перестал про-
верять каждый куст с автоматом наперевес. Костыль научил-
ся не ворчать на погоду — раз уж она здесь всегда одина-
ковая. Док перестал вздрагивать от каждого выстрела. Даже
Ксива один раз улыбнулась, когда Кот выдал очередную ед-
кую шутку.

— Оптимизм — это когда ты понимаешь, что всё равно
сдохнешь, но не сегодня, — заявил Сислик в ответ на чью-
то реплику.

— Ты, кот, просто нейросеть, — сказал Рябой. — У тебя
нет страха смерти.

— Вот именно. Поэтому я самый адекватный член этого
отряда.

На третий день утром случилось то, что ДомовОй подсо-
знательно ждал. Ветра вдруг резко подняла голову и прошеп-
тала одно слово:

— Опасность.

— Где? — ДомовОй вжал педаль газа, но дорога была из-
бита, машина дёрнулась.

— Над нами. Слева по ходу.

Он не успел среагировать. Огромная тень рухнула на ка-
пот Лендровера с такой силой, что машину развернуло попе-
рёк трассы. Стекло лопнуло, в салон ворвался запах гнилой
плоти и озона.

— Рубер! — заорал Костыль, хватаясь за обрез.

ДомовОй вылетел из водительского кресла через открытую дверь, перекатился по гравию и вскочил на ноги. Перед ним стояло нечто Метра три в высоту, серо-бурая шкура, как старая автомобильная покрышка, складчатая и блестящая.

— Рубер, — прошептал Кот. — Класс опасности — элитный. Уязвимость — споровый мешок. Но туда ещё надо добраться.

Рубер взревел — низко, басовито, так, что земля задрожала. Одним ударом он смял капот Лендровера и отбросил машину в кювет. Из салона раздался вскрик Ксивы и мат Рябого.

— Стреляйте! — скомандовал ДомовОй, сам выхватывая дробовик.

Первая очередь Рябого прошла по складкам шкуры — пули отскочили, как горох от стены. Костыль пальнул из обрезка — без толку. Шкура рубера не то чтобы рикошетила — она гасила кинетику, впитывала её.

— Док! Сенс! — крикнул ДомовОй.

— Я вижу мешок! — голос Дока дрожал. Но туда не подобраться — он прикрывает его, когда стоит.

Рубер двинулся вперёд, размахивая руками. Одна из присосок прилепилась к дверце Лендровера и вырвала её с мясом — искореженный лист железа полетел в сторону Костыля, сбив его с ног.

— Твою мать! — Рябой выпустил весь магазин в голову твари. — Да сдохни ты!

Бесполезно. Рубер сделал шаг, второй, и ДомовОй понял: отступить некуда. За спиной — овраг, а машина перевёрнута. Ветра и Ксива что-то делали со своим жезлом — светились белым и синим, но это занимало время.

Тогда он принял решение. Наверное, глупое. Но другого не было.

— Прикройте! — крикнул он и рванул прямо на тварь.

Рубер, видимо, не ожидал такой наглости. Он замешкался на долю секунды, и ДомовОй использовал это. Экзоскелет загудел, выдавая максимальную мощность. Синие индикаторы на груди вспыхнули ослепительно.

Прыжок. ДомовОй влетел в рубера, как таран, целясь ногами ему в брюхо. Но тварь оказалась проворнее — одна из рук схватила его за пояс и швырнула в сторону. ДомовОй пролетел метра три, ударился спиной о бетонный блок и выронил дробовик.

— ДомовОй! — заорал Док.

— Валите его! — Рябой бил короткими очередями, но рубер даже не реагировал. Он двигался к ДомовОму.

И тогда внутри что-то щёлкнуло. Кристалл Нуля завибрировал — и ДомовОй вдруг *увидел*.

Не глазами. Просто знание вспыхнуло в мозгу: через секунду рубер наступит своей левой задней ногой ему на грудную клетку. Экзоскелет выдержит, но трещина пойдёт по кристаллу. А потом тварь наклонится и вцепится ему в голову.

Всё это произойдёт через 5 секунд. Он знал *точно*.

Времени на раздумья не было. ДомовОй рванул вправо — за мгновение до того, как нога рубера вдавила бетон в землю. Тварь недоумённо замерла — удар пришёлся в пустоту. А ДомовОй уже вскочил на её корпус, уцепившись за складку шкуры.

— Сейчас, мразь!

Нож боевой — не тот, самодельный от Малого, а настоящий, армейский — вошёл в споровый мешок снизу по самую рукоять. Рубер взревел так, что у ДомовОго заложило уши. Из раны хлынула тёмная жижа со спорами. Тварь зашаталась, забилась в агонии, и ДомовОй, уже теряя силы, всадил клинок ещё раз. И ещё.

Рубер медленно завалился на бок, подминая под себя обломки бетона. ДомовОй спрыгнул с него, сделал два шага — и ноги подкосились. Перед глазами поплыла тьма.

Сработало... — успел подумать он, прежде чем провалиться в пустоту.

— ...ай! Дышит. Пульс нитевидный, но есть.

— Док, твою мать, делай что-нибудь!

— Я делаю! Живчик ему влил. Зрачки реагируют.

— Кот, что с ним?

— Анализатор показывает резкий выброс неизвестного нейромедиатора. Похоже на активацию нового дара. Но какой — не пойму.

— Пожалуйста, пожалуйста, только не сдохни, коман-

дир...

ДомовОй открыл глаза. Надо мной нависали три лица: Док с перепуганными глазами, Рябой с застывшей маской и Костыль, который держал шприц.

— Живой, — выдохнул Док.

— Живой, — повторил ДомовОй, садясь. Голова гудела, но тело слушалось. Экзоскелет пищал аварийным сигналом: левая нога повреждена, щит на 12 процентах.

— Что это было? — спросил Рябой. — Ты двигался, как... будто знал, куда он ударит.

— Я знал, — тихо сказал ДомовОй. — Я видел. За пять секунд. Всё, что произойдёт.

Тишина. Потом Кот в наушнике присвистнул — насколько умел искусственный интеллект.

— Предвидение. Вероятностное прогнозирование. Поздравляю, ДомовОй, ты получил дар, который описывался только в легендах. У иммунных бывает чуйка, но не на пять секунд вперёд и не с такой точностью.

— Не легендах, — поправила Ветра. Она стояла в стороне, обнимая жезл. — Это код. ДомовОй увидел глитч реальности и на него отреагировал. Кристалл Нуля проявил способность, которая в нём дремала.

— И теперь что? — спросил Костыль, сплёвывая кровь — разбил губу при падении. — Он будет шаманить?

ДомовОй медленно встал, опираясь на Рябого. Ноги дрожали, но держали. Он посмотрел на труп рубера, распластан-

ный на дороге.

— Теперь я буду видеть ваш смертный приговор за пять секунд до того, как он случится. И, надеюсь, успевать его отменять.

Он повернулся к перевёрнутому Лендроверу. Машина выглядела убитой: капот смят, дверь вырвана, крыша ещё сильнее прогнулась. Но двигатель, судя по звукам, работал — Ксива уже сидела в кабине и что-то делала с панелью.

— Заводите. Едем дальше. — Он помолчал. — И ищите новый кластер. Нам нужно оружие. Много оружия. Потому что следующий рубер может быть не один.

Они двинулись на запад, оставив труп твари гнить на трассе. Лендровер тархтел теперь ещё громче — что-то стучало в подвеске, и пробитая крыша пропускала потоки воздуха. Но ехал.

Через три часа Кот подал голос:

— Внимание. В нескольких километрах по курсу — маркер свежего кластера. По моим данным, он перезапустился не более суток назад. И на нём есть нечто интересное.

— Что именно? — спросил ДомовОй, потирая виски — голова раскалывалась, и видения иногда накатывали незваными вспышками.

— Военная часть. Судя по снимкам со спутника — парк техники. И склады. — Кот сделал паузу. — И там идёт бой. Интенсивные выстрелы. Автоматные очереди. Крупнокалиберные установки. Кто-то очень не хочет туда соваться.

— Или очень хочет, — поправил Рябой. — Лагерь свежий, а значит, заражённые только начали появляться. Выжить там — шанс вытащить тонну трофеев.

— И умереть, — добавил Костыль.

— Мы не умрём, — тихо сказал ДомовОй. — Я этого не допущу. Команда, готовьтесь. Заходим на кластер.

Они подъехали к воинской части со стороны леса, в трёх километрах от главных ворот. ДомовОй лично забрался на старую водонапорную башню и через бинокль наблюдал за тем, что происходило внизу.

Картина была странная. Территория части — бетонные корпуса, плац, ангары — кишела силуэтами. В основном пустыши, несколько бегунов, один или два топтуна. Но из здания казармы доносилась непрерывная стрельба — кто-то зашел внутри и отстреливался.

— Выжившие, — сказал Док, который тоже залез на башню. Его сенс позволял видеть сквозь стены. — Там шесть человек. У них есть автоматы, один ручной пулемёт. И они сдерживают волну.

— Сколько заражённых? — спросил ДомовОй.

— Около пятидесяти. И всё прибывают. Но... они медленные. Часть перезагрузки, видимо.

— Наблюдаем, — решил ДомовОй. — Если выжившие справятся — выйдем на контакт. Если нет — заберём технику после.

Бой длился ещё полчаса. Выстрелы стихли не сразу —

сначала редкие одиночные, потом тишина. ДомовОй насчитал не менее двадцати трупов мутантов на плацу.

— Похоже, справились, — сказал Рябой.

— Или кончились патроны, — возразил Костыль.

— Жди здесь, — скомандовал ДомовОй. — Я подойду один. Если что — прикроете.

Он двинулся к воротам, держа дробовик наготове. Предвидение не срабатывало — значит, прямо сейчас опасности не было. Двое мутантов вышли из-за угла — пустыши. ДомовОй положил их двумя выстрелами, не сбавляя шага.

В казарме было темно и пахло кровью. Он увидел шестерых иммунных — уставших, перевязанных, сидящих на нарах. У одного была прострелена рука, другой держался за живот. Командир, высокий седой мужчина с погонами, которых в Стиксе никто не носил, поднял пистолет.

— Свои, — сказал ДомовОй, поднимая руки. — Я ДомовОй. Просто проходили мимо. У вас тут шумно.

— Умный или везучий?

— И то, и другое.

Оглядел казарму. На стене — портрет президента, которого уже нет. Календарь на 2022 год. В углу — ящики с патронами. И запах пороха, смешанный с потом и страхом.

— Как вас зовут? — спросил ДомовОй. Мы хотим кое-что у вас взять.

— Майор Кравченко, — ответил седой. — И вы ошиблись дверью, боец. У нас нет ничего, кроме трупов и ржавого же-

леза.

— А в парке техники? — спросил ДомовОй. — Я видел ЗУ-23-2 на бронетранспортёре.

Кравченко усмехнулся — горько, с надрывом:

— Видел? Ну, смотри. Та установка нас и спасла, когда мы её развернули. Но патроны к ней — на складе. А на складе сейчас живые трупы и хрен пойми что ещё. И мы их не выбьем — у нас только патроны для автоматов остались.

ДомовОй посмотрел на выживших. Потом — на Дока, который зашёл следом и сенсил кладовку.

— Док, что там?

— Три фиолетовых, — тихо ответил Док. — Но между нами и ними — стена. И они друг с другом не дружат. Ломовики там не нападают на элитника.

— План такой, — сказал ДомовОй. — Вы Кравченко нам показываете, где патроны к ЗУ-шке. Мы зачищаем склад. Забираем установку и БТР-ЗД. А вы забираете оставшееся оружие и топаете куда хотели.

— А если не согласимся? — спросил один из солдат, злобно сверкая глазами.

— Тогда вы сдохнете здесь через неделю, когда кончится вода и еда, — спокойно ответил ДомовОй. — А мы всё равно заберём технику, но без вас. Выбор за вами.

Кравченко помолчал. Потом кивнул:

— Идём. Но если вы тупые самоубийцы — я лично добыю вас, чтобы не мучились.

Зачистка склада заняла час. ДомовОй использовал свой новый дар трижды — предвидел броски ломовиков и уво-
дил команду из-под ударов. Док подавлял ментатом одного
из них, заставляя встать в ступор. Рябой и Костыль били по
суставам. Ветра жезлом создавала ослепляющие вспышки.

Когда последний мутант рухнул, пробитый залпом из об-
резов и автоматов, Кот в наушнике сказал:

— Трофеи: 37 споранов, 2 гороха, янтарь. И целый арсе-
нал на складе.

Они выкатили ящики с 23-миллиметровыми снарядами
к ЗУ-23-2, которая стояла на крыше БТР-ЗД. Машина —
древняя, советская, с усиленной броней, бензиновым двига-
телем и простотой настройки, как у велосипеда.

— Двенадцать коробов, — сказал Рябой, подсчитывая. —
По двести снарядов в каждом. Это две с половиной тысячи
выстрелов. Мы можем смести к херам любой блокпост.

— Или привлечь всех мутантов в радиусе десяти кило-
метров, — заметил Костыль.

— Нам в Пекло, — напомнил ДомовОй. — Там шум не
помеха.

Он провёл рукой по холодному стволу спаренной пушки.
Экзоскелет тихо гудел, подзаряжаясь от резервных батарей.
Кристалл Нуля в груди пульсировал ровно.

— Всё, — сказал он. — Команда, грузитесь. Пересажи-
ваемся на БТР-ЗД. Лендровер бросим — пусть стоит на па-
мять.

— А эти? — кивнул Рябой в сторону Кравченко и его людей.

— Заберут что смогут и пойдут своей дорогой. Мы своё получили.

ДомовОй забрался в бронетранспортёр через открытый люк. Внутри пахло соляной, ржавчиной и советским потом — чужим, давним. Док уже сидел на месте стрелка-радиста, щупая наушники. Ксива и Ветра устроились в солдатском отсеке, сжавшись в комок. Рябой сел за рычаги, ухмыльнувшись:

— Давно мечтал порулить такой машиной.

Двигатель взревел, и БТР-ЗД, с Пушкой на крыше, похожий на гибрид брони и зенитного расчёта, двинулся в сторону КПП.

Ликбез для штыков

ДомовОй уселся на ящик из-под снарядов и уставился на шестерых военных. Те сидели на плацу, перевязывали раны и косились на БТР-ЗДс пушкой — их бывшую гордость, которая теперь стала чужой.

Майор Кравченко подошёл первым. Высокий, седой, с усталыми глазами человека, который видел слишком много смертей за последние сутки.

— Ты обещал объяснить, — сказал он глухо. — Где мы,

мать его, и почему у твоей девчонки глаза светятся?

Костыль уже разложил на капоте разбитого Лендровера лист картона и обломок карандаша. Он рисовал корявую карту — кружки, стрелки, крестики. Рябой стоял рядом с автоматом наизготовку, но скорее для охраны от мутантов, чем от этих.

— Мир Артёма , — начал ДомовОй. — Не спрашивайте почему, так называли те, кто выжил. Звёзд здесь нет, вместо солнца — жёлтая плесень. Кластеры — куски Земли, вырванные с мясом и брошенные сюда. Они перезагружаются: всё откатывается назад, здания становятся целыми, но и твари появляются снова. Вы, я так понимаю, попали во время перезагрузки. Повезло — выжили. Не повезло — вы не знаете ничего.

Он замолчал, давая время переварить.

— Какие твари? — спросил молодой солдат с перевязанной рукой. Фамилию ДомовОй не запомнил, но запомнил его затравленный взгляд.

— Пустыши — зелёные маркеры, слабые. Бегуны — жёлтые, быстрые. Топтуны и ломовики — фиолетовые, бронированные, но медленные. Элитники — красные, умные и опас-

ные. Запомните: споровый мешок у всех — туда и целитесь.

— Мама дорогая... — выдохнул третий военный, тот, что держался за живот.

— Мама не поможет, — жёстко сказал Костыль, не поднимая головы от карты. — Живчик варите из споранов. Без него через три дня превратитесь в таких же. Или умрёте. Это если мутанты не сожрут раньше.

— А что за спораны? — спросил майор, хмурясь.

— Трофеи с тварей, — ответил ДомовОй. — Выглядят как серые камешки с пульсацией. Варить надо с водой и спиртом. Научитесь — выживете. Не научитесь — сдохнете.

Он кивнул Костылю, и тот протянул майору нарисованную карту. На ней был отмечен Институт — стабильный кластер в трёх днях пути на восток. Были обозначены места ночёвок, опасные зоны и простые ориентиры.

— Держите. Это единственный подарок. Там, в Институте, есть торговцы, врачи и относительная безопасность. Но денег не возьмут — нужны спораны или информация. Вы военные, ваши знания про оружие и тактику могут пригодиться. Договоритесь.

Майор взял карту, посмотрел на неё, потом на своих людей.

— А вы? — спросил он. — Почему не остаётесь?

— Нам туда, — ДомовОй кивнул на запад. — В Пекло. Там, говорят, выход. Или смерть. Но мы читеры, так что как-нибудь прорвёмся.

— Читеры? — не понял майор.

— Это он так шутит, — буркнул Рябой. — У нас ДомовОй — главный по странностям.

Краткий ликбез от Костыля

Костыль поднялся, отряхнул колени и подошёл к военным. Говорил он негромко, но весомо:

— Запомните главное. В Стиксе нет закона, кроме одного: кто сильнее — тот и прав. Муры — это отморозки, которые будут делать вид, что помогают, а потом пристрелят и заберут ваши шмотки. Внешники — вообще из другого мира, им от вас нужны органы. Нолдов — если увидите белые фигуры с пустыми глазами — валите подальше. Это даже не люди,

это... сисадмины, как Кот говорит. Килдинги — сектанты, бегите. Стронги — охотники на внешников, с ними можно иметь дело, но осторожно.

— Атомиты — радиационные твари, — добавил Док, который до этого молчал. — И квазы — бывшие иммунные, кто переел жемчуга. Они опасны, но с ними можно договориться, если есть белый жемчуг. Белый жемчуг — из скребберов, таких страшных тварей, которых лучше вообще не трогать.

— Теперь по ресурсам, — продолжал Костыль. — Спораны — деньги. Живчик — жизнь. Горох — для усиления даров, но его мало. Янтарь — наркота, если сплавлять, а так для поделок. Жемчуг — сила, но если переборщить, станете квазом. Нодий — для апгрейда, как электричество, но лучше не нюхать.

Он замолчал и посмотрел на майора:

— Всё ясно, боец?

— Ясно, что мы в жопе, — ответил тот без пафоса. — Спасибо за карту. Хоть умрём с ориентированием.

— Не умрёте, — сказал ДомовОй. — У вас оружие есть,

голова на плечах. А если повезёт — найдёте стаб и осядете. Док, дай им три фляги живчика и коробку сухарей. Всё, что можем.

Док полез в рюкзак, пока Рябой бубнил про то, что самим бы не сдохнуть . Но никто не возразил.

Через полчаса военные ушли на восток, пригибаясь и оглядываясь. ДомовОй смотрел им вслед и думал: Встретимся ли? Вряд ли. Но карта честная, живчик настоящий. Дальше сами .

— Командир, — позвал Кот из наушника. — Ты бы свою энергию поберег. После предвидения у тебя на графике скачки нейроактивности. А ты ещё и Чёрный код хочешь трогать? Как бы крыша не поехала.

— Не каркай, Сислик, — отмахнулся ДомовОй. — Всё под контролем. Мы проскочим. Давай лучше тебя назовём... мешок для блох? Нравится?

— Остроумно, — сухо ответил Кот. — Если выживем, я тебе это припомню.

Глава 2. Пушистый или блохастый?

БТР-ЗД тарахтел дизелем, как старая кляча, которую заставили везти танк. Рябой сидел за рычагами, довольно ухмыляясь, хотя лицо у него было всё в саже — я успел заметить, как он лизнул ствол ЗУ-шки после первого выстрела. Дурная привычка.

— Слышь, командир, — сказал он, не оборачиваясь. — А чего мы этих вояк бросили? Могли бы забрать с собой. Шесть стволов — не швабры.

— У них своя дорога, — ответил я, сидя на месте наводчика. Экзоскелет гудел ровно, Кристалл Нуля пульсировал где-то под ключицей. — И мы не интернат для заблудившихся пингвинов.

— Пингвинов? — переспросил Костыль из десантного отсека. Он перевязывал себе палец — прищемил люком, когда загружали ящики. — Ты бы ещё сказал — белых медведей. Там, брат, такие пингвины, что за день сожрут наше барахло и попросят добавки.

— Заткнитесь оба, — буркнул я. Хотелось добавить что-

то умное, но в голову лезли обрывки видений. Новый дар — предвидение на пять секунд — выматывал. Каждый раз, когда я его использовал, казалось, кто-то тыкал раскалённой иглой прямо в затылок.

Зато дар Чёрный код ... вот это был разговор.

Мы остановились через час, когда дорога пошла в гору. Слева — обрыв, справа — скала с выветренными письменами, которых никто не читал. Кот в наушнике зашипел:

— ДомовОй, я засёк аномальную активность в трёх километрах по курсу. Не мутанты. Что-то другое.

— Нолды? — спросил я, сжимая дробовик.

— Пока неясно. Но советую быть готовыми к... гостям.

Рябой заглушил двигатель. Тишина навалилась такая, что стало слышно, как Док скрипит зубами во сне. Он опять отключился после того, как ментатом подавил одного из ломовиков.

— Ладно, — сказал я, вылезая через люк. — Пока гостей нет, займёмся делом.

Делом была ЗУ-23-2. Спаренная пушка, ржавая, но живая. Тут тебе и автоматика, и ручная наводка, и стволы, которые, по словам Костыля, грелись после сорока выстрелов как самовар.

— Кот, дай схему.

— Какая схема, ДомовОй? Я — искусственный интеллект, а не инженерный батальон. Но если хочешь поиграть в бога — флаг в руки.

Я залез в параметры. Не так, как в Лабиринте — там был интерфейс, меню, кнопки. Здесь код был сырой, жёсткий, древний. Как кирпичная кладка, в которой вместо раствора — время.

Нашёл строку: $\text{heat generation coefficient} = 0.87$. Покрутил. Предвидение подсказывало, что если поставить ноль, система может выдать ошибку. Но я не искал лёгких путей.

Заморозил. Просто взял и заменил переменную на константу. Теперь нагрев стволов всегда был нулевым, независимо от того, сколько коробов высадишь.

— Готово, — сказал я вслух.

— Что готово? — спросил Рябой, высовываясь из люка.

Я погладил ствол. Холодный. После двадцати выстрелов — всё ещё холодный. Рябой пальнул ещё раз — без толку.

— Ты... ты чё, командир? — он округлил глаза. — Это ж...

— Чит, — закончил я. — Дар такой. Не парься.

Но самое интересное было впереди. Я полез в боезапас. В коде коробка с патронами было простое значение: ammo count = 49. Я сделал так, чтобы это значение не уменьшалось при выстреле. Каждый раз, когда система проверяла, сколько осталось, она видела 49.

— Теперь стреляй сколько влезет, — сказал я. — Патроны не кончатся.

Рябой посмотрел на меня так, будто я вырос на его глазах.

— Ты, командир, или гений, или дурак. В Стиксе за такое... — он не договорил.

— Знаю, — кивнул я. — Но мы читеры. Нам не страшен серый волк.

— Какой волк? — спросил Костыль, вылезая с гранатой в руке.

— Никакой. Образно.

Я спрыгнул с брони и отошёл на несколько шагов, чтобы посмотреть на результат. БТР-ЗД с зениткой, которая не перегревается и не тратит снаряды. Пушка, способная молотить вечно, пока есть дизель и желание.

— Красота, — выдохнул я. — Настоящая красота.

— Не радуйся раньше времени, — сказала Ветра. Она стояла в тени скалы, сложив руки на жезле. Глаза её светились белым — не ярко, как обычно, а тускло, как старая лампочка. — Ты нарушил баланс. Они почувствуют.

— Кто они?

— Те, кто смотрит сверху.

— А эти смотрельщики, — спросил я Ветру, пока остальные возились с ужином. — Они знают, что мы здесь?

— Уже знают, — ответила она, не глядя на меня. — Вопрос в том, захотят ли они с тобой говорить.

— Говорить? — я усмехнулся. — С нолдами нельзя говорить. Их можно только бояться или бежать от них.

— Ты не прав. Некоторые нолды — любопытны, как дети. Они видят в тебе... забаву.

— Забаву? Я похож на игрушку?

— Ты похож на ошибку в системе, которую они хотят изучить, прежде чем удалить.

Этот разговор мне не нравился. Я отошёл к костру — Костыль развёл его в старой бочке, чтобы пламя не было видно снаружи. Док варил живчик, помешивая в котелке. Рябой менял магазины в автомате.

Белый маркер на горизонте оказался... просто старым рекламным щитом с облупившейся краской. Светился он из-за того, что на него попал отблеск от разбитой витрины. Ветра, когда мы подъехали ближе, фыркнула и отвернулась. Ксива хихикнула — первый раз за три дня.

— А я говорил, — вставил Кот, — у меня сканер точнее твоего чутья, ДомовОй.

— Заткнись, мешок для блох, — беззлобно ответил я.

— Я — пушистый повелитель байтов. Запомни.

Рябой, который уже успел снять пальцы со спускового крючка пушки, выдохнул:

— Чуть штаны не испортил. Мне показалось, что это ихний дрон.

— Нолдовские дроны, — поправил Кот, — выглядят как гибрид осьминога и спутниковой тарелки. И не светятся, они сканируют в инфракрасном.

Мы двинулись дальше. Через час кластер сменился — это чувствовалось по воздуху. Запах гнилой листвы стал гуще, а небо из жёлтого начало переходить в оранжевое. Кот через минуту выдал:

— Впереди, километрах в трёх, — скопление мутантов. Десять фиолетовых, два жёлтых и один красный. Элитник. Крупный.

— Ого, — присвистнул Костыль. — Это ж дропа будет...

Док побледнел, но сжал автомат:

— Мы справимся?

— Спрячь-ка ты свой ментат, — сказал я. — На элитника он не действует, ты сам говорил. А ломовикам — по суставам. Рябой, ты со мной в ближний бой. Костыль, с пушки снимай жёлтых — они быстрые. Док — сенс и поддержка. Ветра, Ксива — если что, ваш жезл резонансом бьёт.

— Я могу, — кивнула Ветра. — Но после этого буду час восстанавливаться.

— Значит, будем беречь.

План был дурацким, как обычно. Но предвидение за пять секунд давало мне фору. Первого ломовика я увёл в сторону, подставив под удар элитника — красный гигант, покрытый хитиновой бронёй, разорвал фиолетового пополам, даже не заметив. Мы с Рябым добили второго ломовика, когда тот зазевался. Костыль с пушки смел бегунов — спаренные 23-мм снаряды превращали их в фарш.

Элитник остался последним. Он был умен. Уклонялся от огня, прикрывал свой споровый мешок, пытался обойти нас с фланга.

— ДомовОй, — сказал Кот, — я засёк у него параметр регенерация . Нужно нанести критический урон за раз.

— У нас есть пушка, — ответил я. — Костыль, целься в голову. Я зайду снизу.

— Ты псих, — сказал Костыль, но наводку дал.

Элитник, когда увидел, что я бегу прямо на него, замешкался — красные мутанты не привыкли к такой наглости. Я прыгнул, используя экзоскелет на полную мощность, и влетел ему в брюхо как раз в тот момент, когда Костыль дал длинную очередь в башку. Тварь дёрнулась, я успел проверить нож в споровом мешке — и откатиться в сторону, когда триста килограммов дохлого элитника рухнули на землю.

— Трофеи! — заорал Рябой, пока я отплёвывался от чёрной слизи.

Собрали много. Двадцать семь споранов, четыре гороха, кусок янтаря размером с кулак и красный жемчуг — крошечная горошина, которая пульсировала зловещим светом.

— Красный жемчуг, — сказал Кот. — Усилитель даров. Но отравление гарантировано. Не советую применять, если не хотите стать квазом.

— Спрячем, — решил я. — Может, пригодится, если совсем припрёт.

Дальше дорога шла через лес. Настоящий лес, с высокими соснами, которые здесь, в Стиксе, казались пришельцами из другого мира — слишком зелёные, слишком живые.

— Странно, — заметил Док, — мутанты не любят такие места. Слишком мало укрытий.

— Зато нам хорошо, — сказал Рябой. — Лес укроет.

Мы нашли туристическую стоянку — три скамейки, кострище, ржавый мангал, и палатка, наполовину обрушенная, но внутри — сухие спальники и гитара в чехле.

Гитара. Кремона, старая, поцарапанная, но с целыми струнами.

— Это судьба! — заявил Костыль, вытаскивая инструмент. — Давно я не играл. До Стикса, лет пять назад, в самодеятельности был.

— Ты? — удивился Док. — В художественной самодеятельности?

— А ты думал, я всю жизнь по помойкам лазил? Я, между прочим, в клубе при ДК играл. Рок, русский рок. — Костыль провёл пальцами по струнам, подстроил колки. — Кот, есть какие-нибудь аккорды в твоей базе?

— У меня есть полная дискография Кино, Алисы и Гражданской обороны, — ответил Кот. — Но боюсь, твоя игра отпугнёт не только мутантов, но и нас.

— Не ной, мешок для блох.

Мы развели костёр. Рябой натянул тент между деревьями, Док выложил тушёнку в котелок. Ветра и Ксива сидели на бревне, впервые выглядели почти нормальными — не загадочными пришельцами, а просто уставшими девушками.

— Будешь? — спросил я, протягивая Ксиве кружку с горячим живчиком.

— Спасибо, — тихо сказала она. — Мы с Ветрой... мы не пьём живчик. Архитектор нас загрузил иначе.

— Нодиём питаетесь? — уточнил Кот.

— Чем-то вроде того.

Я отошёл к БТР-ЗД и сел на броню, глядя, как Костыль настраивает гитару. Руки у него дрожали — не от страха, от волнения. Когда он взял первый аккорд, я обалдел.

Костыль пел. Хрипло, надрывно, но точно попадая в ноты. Песня была старой, про войну, про дорогу, про дом, которого уже нет. Лес слушал, и мутанты не приближались — может, чуяли, что здесь собрались свои.

— Неожиданно, — сказал Рябой, когда Костыль закончил. — Ты прям артист.

— А ты сомневался, — хмыкнул Костыль. — Давай следующую. Док, подпевай.

Док, краснея, начал вторить — тонким, но чистым голосом. Получилось даже душевно.

Пока они пели, я работал. Кот подсказал интересную идею: двигатель БТР-ЗД. Он жрёт топливо как не в себя. Мы уже потратили треть запаса. Но если использовать чёрный код на преобразование тепла...

— Объясни мне, пушистый, — попросил я, — как именно превратить тепло обратно в бензин?

— Физически — никак. Но код реальности Стикса допускает подмену параметров. Ты можешь замкнуть цикл: energy output (тепло) → energy input (химическая энергия топлива). По сути, создать вечный двигатель. Но нужен контур.

— Я не инженер. Скажи, что делать?

— Представь систему. Двигатель сжигает топливо, выделяет тепло. Часть тепла уходит в выхлоп. Ты должен перенаправить поток тепловой энергии обратно в бак, трансмутировав её в углеводороды.

— Ты сейчас серьёзно?

— Я всегда серьёзен. Код Стикса написан на принципах, не имеющих ничего общего с термодинамикой. Ты уже заморозил нагрев стволов и патроны. Тепло в топливо — следующий уровень.

Я залез в двигатель. БТР-ЗД — архаичная машина, но у неё есть система охлаждения. Я нашёл блок управления, подключил ноутбук. Кот дал доступ к параметрам.

— Смотри, — сказал он. — Параметр thermal dissipation — рассеивание тепла. Заморозь его на отрицательном значении, и тепло пойдёт в бак. Но осторожно: если переборщить, двигатель охладится до криогенных температур и встанет.

Я мысленно вошёл в код. Искать thermal — долго, но Кот подсветил нужный блок. Я нажал.

Двигатель, работавший на холостых, вдруг изменил тон. Стал ровнее, тише. Стрелка температур упала до нуля, а потом начала ползти вверх — по новой шкале?

— Смотри на бак, — сказал Кот.

Я глянул датчик уровня топлива. Он был на 80 литрах. Через минуту — 81. Ещё через минуту — 82.

— Ты сделал это, — в голосе Кота смешались восхищение и ужас. — Вечный двигатель. Тепло превращается в дизель. Пока работает мотор, топливо будет восполняться.

— Не взорвётся? — спросил я, вылезая из-под капота.

— Теоретически — нет. Практически... — Кот помолчал. — Ты только что изменил физику локально. Если система это заметит, Нолды придут быстрее, чем я успею сказать ме-

шок для блох .

Я вытер руки ветошью. Костыль за спиной пел Кукушку Цоя. Док подпевал. Рябой курил, слушая. Ветра дремала на броне. Ксива что-то шептала своему кристаллу.

— Посмотрим, — сказал я. — До Пекла шестьсот километров. Топлива теперь хватит навсегда.

— А элитники? — спросил Кот. — Они будут встречаться чаще. Ты чуть не загнулся от одного.

— У нас есть опыт. И предвидение. И теперь — бесконечный дизель.

— И гитара, — добавил Рябой, оборачиваясь. — В походе главное — хорошая песня под костёр.

Костыль закончил. Аплодисменты были жидкими — нас всего семеро, включая двух девушек-ключей. Но он поклонился, как заправский артист.

— Спасибо, спасибо. Для вас, бродяги, я сегодня ещё спою. — Он обернулся ко мне. — Командир, а ты что молчишь? Пойдём, посидим. Не всё же код ломать.

Я прыгнул с брони, подсел к костру. Ксива протянула мне кружку с тёплым живчиком. Небо над головой — оранжевое, низкое. Звёзд нет, как всегда. Но лес шумел, и это напоминало о том, что мир ещё жив.

— ДомовОй, — спросил Док, — а ты не боишься? Ну... что Нолды найдут нас из-за твоих игр с кодом?

— Боюсь, — честно ответил я. — Но без этих игр мы точно не дойдём до Пекла. Там такие твари, что обычным оружием не взять. А тут — вечный двигатель, бесконечные патроны. Шанс.

— Шанс на что? Выбраться?

— Шанс не сдохнуть по пути.

Костыль ударил по струнам. Мощно, боево. Запел про то, как мы идём на восток, нас не догонят. Песня была самодельной, корявой, но проняла до мурашек.

Рябой вытер глаза — от дыма, как он сказал. Ветра открыла глаза и смотрела на огонь, улыбаясь. Ксива подтянула колени к подбородку и замерла, слушая.

Кот в наушнике молчал. Я уже хотел спросить, не завис

ли он, как вдруг он выдал:

— Красиво. Жаль, у меня нет голоса, чтобы подпеть.

— А ты запищи, — предложил Рябой. — Как кот.

— Я — искусственный интеллект, а не дворовое животное.

— Мешок для блох, — сказал я.

— Сам ты мешок, — парировал Кот, но без злобы.

Лес шумел. Пламя плясало. БТР-ЗД, напившийся термодинамической ересью, мирно рокотал на холостых, превращая тепло обратно в дизель. До Пекла оставалось пятьсот восемьдесят километров.

А впереди, за горизонтом, нас ждали ещё элитники, ещё дроп, и — возможно — ответы.

Но этой ночью мы были просто людьми у костра. И это стоило большего, чем любой дар.

Глава 3 Игрушки для повелителя байтов

Утро в лесу выдалось туманным. Оранжевое небо сквозь пелену выглядело как старый фонарь под слоем грязи. Костёр прогорел, Костыль храпел в спальнике, прижимая к груди гитару как ружьё. Рябой сидел в дозоре на броне БТР-ЗД, грыз сухарь и смотрел по сторонам.

Поднял команду. Ксива зевала, Ветра тёрла глаза. Док выглядел помятым, но бодрым. Костыль буркнул: Гитару не бросать, упаковал инструмент в чехол и закинул в БТР-ЗД.

БТР-ЗД тарахтел по разбитому шоссе.

— Сислик, — я усмехнулся, — ты вообще кто по жизни?

В наушнике повисла пауза. Такая, будто Кот обиделся. Потом он выдал ледяным тоном:

— Я — пушистый повелитель байтов, хранитель бестиария и твой единственный шанс не заблудиться в этом гиблом месте. А мешок для блох — это твой рюкзак, в котором ты вторую неделю носишь немытые портянки.

— Ого, — Рябой хохотнул, даже не оборачиваясь. — Кот выдал.

— Не отвлекайся от дороги, — буркнул Костыль сверху. Он сидел на крыше, прямо у пушки, и крутил головой по сторонам. Сейчас мы были на подъезде к кластеру, который

Кот обозначил как торгово-складская зона . Перезагрузился он, по данным сканирования, дня три назад, так что мутантов должно быть немного.

— Кстати о кластере, — продолжил Кот. — В шести километрах прямо по курсу — два торговых центра, один гипермаркет, и что меня лично радует — магазин электроники и игрушек.

— Игрушек? — удивился Док.

— Квадрокоптеры, детка. Камеры. Батареи. Всё, что нужно для организации воздушной разведки и наблюдения с высоты. — Кот сделал паузу. — Если, конечно, ваши рукожопые лапы смогут это настроить.

— Настроишь ты, — сказал я. — Тебе же скучно просто болтать. Хочешь порулить дронами?

— Хочу, — признался Кот без тени смущения. — Это разнообразит мою эфемерную цифровую жизнь.

Квадрокоптеры мы нашли не сразу. Сначала пришлось зачистить гипермаркет — там окопалось десятка два пустышей и один бегун. Бегуна я увидел за три секунды через предвидение: он должен был выскочить из-за стеллажа с крупами и вцепиться Костылю в горло. Я шагнул вперёд, перехватил его в прыжке и всадил нож в башку. Костыль даже не понял, что только что не умер.

— Спасибо, — буркнул он, вытирая с лица чужую чёрную кровь. — Но мог бы и предупредить.

— Предупредил бы — ты бы дёрнулся, и он бы успел. Так

быстрее.

Док с сенсом вёл нас по магазину, как сапёр — шаг за шагом. Дважды я использовал предвидение на безопасные маршруты, и мы обошли ломовика, который дремал в отделе с инструментами. Не стали будить — смысл? Пусть спит.

Магазин электроники и игрушек оказался отдельным павильоном. Дверь выбита, витрины разбиты, но стеллажи уцелели. Кот в наушнике пищал от восторга — насколько искусственный интеллект вообще способен на эмоции.

— Вижу коптеры! Чёрный ящик слева от входа, второй ряд, полка три. Бери все модели с камерами. Батареи — в соседнем отделе, зарядные устройства — рядом.

Рябой и Костыль загружали рюкзаки. Я прошёлся по магазину, собирая полезное: видеокамеры поменьше, датчики движения, пауэрбанки, провода. В углу нашёл даже ноутбук — древний, но живой. Засунул в рюкзак — Кот просил.

— Сислик, — спросил я, когда мы грузили добычу в БТР-ЗД, — а ты реально сможешь управлять этим всем?

— Милый мой неокрепший иммунный, — голос Кота сочился снисходительностью, — я взламывал систему управления боевыми роботами в Лабиринте. А эти китайские подделки с заводскими прошивками для меня — как для тебя портянки намотать. Но есть нюанс.

— Какой?

— Нужна точка доступа. Я — голос в твоём наушнике и полупрозрачный кот в критические моменты. Но чтобы

управлять дронами на расстоянии, нужно организовать ретранслятор. Например, поднять один коптер как ретранслятор, а с него — сеть.

— Сделаем, — сказал я. — У нас есть время.

Мы нашли относительно чистый ангар на окраине кластера — бывшая автомастерская. Загнали БТР-ЗД внутрь, закрыли ворота. Костыль и Рябой организовали периметр, Док с Ксивой принялись заряжать батареи. Ветра сидела на ящике, глазела на коптеры и не вмешивалась — её дело было другое.

Я сел за стол, разложил добычу. Четыре квадрокоптера: два с камерами 4К, один с тепловизором (дорогой, наверное, до Стикса стоил как почка), и один — маленький, акробатический, для разведки внутри помещений.

— Кот, с тебя настройка. С меня — магия.

— Подключи ноутбук к аккумулятору БТР-ЗД, дай мне доступ через USB.

Я воткнул кабель. Через минуту экран засветился, забегали строчки. Кот взламывал прошивки со скоростью, которую я не мог отследить.

— Первый готов. Второй — в процессе. Командир, кстати, пока я тут колдую, можешь заняться полезным делом.

— Каким?

— Ты читер. Заморозил нагрев стволов, заморозил патроны в коробах. А теперь попробуй что-нибудь практичное. Например, сделай так, чтобы батареи коптеров не разряжа-

лись.

Я задумался. Идея была... безумной. Но Кристалл Нуля в груди пульсировал, и предвидение подсказывало: код вокруг меня податливый, пока я не лезу в глобальное.

— Дай батарею, — сказал я Рябому.

Он протянул аккумулятор от коптера, ёмкостью в три тысячи миллиампер. Я взял его в руки, закрыл глаза. Чёрный код включался не так, как дар предвидения. Это было ощущение структуры — будто я вижу нити реальности, сплетённые в жёсткий каркас. В Лабиринте они были гибкими. Здесь — старыми, дубовыми. Но узел батареи я нашёл.

Параметр `energy capacity`. Текущее значение — 3000. Рядом — `energy drain rate` — скорость разряда. Если заморозить `drain rate` на нуле...

Я мысленно нажал. Код скрипнул, но поддался.

— Готово, — сказал я, открывая глаза.

— Ты уверен? — спросил Док с сомнением.

— Проверь.

Рябой вставил батарею в коптер, включил. Пропеллеры зажужжали. Винты крутились, расходуя энергию. Но уровень заряда на экране ноутбука не падал.

— Святые угодники, — выдохнул Костыль.

— Он заморозил разряд, — констатировал Кот. — Теперь эта батарея будет питать коптер вечно. Или пока код не сбросится. Или пока не придут Нолды.

При упоминании Нолдов по спине пробежал холодок. Я

отогнал его.

— Сделай так со всеми батареями, — попросил Док. — И с нашими фонарями заодно. И с зажигалками.

— По одному, — сказал я, чувствуя, как голова начинает гудеть. — Много сразу — я отключусь.

Мы провели в ангаре часов шесть. Я заморозил двенадцать аккумуляторов для коптеров, двадцать батарей для фонарей, три пауэрбанка и одну зажигалку — просто для смеха. Костыль требовал заморозить запас споранов, чтобы не тратились на варку живчика, но я отказался — это уже слишком. Биология — не код, там можно наследить.

Кот тем временем настроил коптеры. Тепловизор работал на дальность до двух километров. Он поднял один дрон в воздух — тот завис под потолком ангара, бесшумный, с горящим индикатором.

— Воздушное наблюдение активировано, — доложил Кот. — В радиусе пяти километров — никаких крупных скоплений мутантов. Дорога на запад чиста. Но...

— Что? — спросил я.

— На границе сканирования — периодические всплески. Электромагнитные. Не природные. Кто-то использует мощную электронику.

— Нолды? — спросил Рябой, сжимая автомат.

— Или внешники. Или что-то новое. Дальность слишком большая, чтобы определить точно. Но учтите: любое наше вмешательство в код оставляет след. И эти всплески могут

быть сканерами, которые ищут такой след.

Я посмотрел на свои руки. На экзоскелет с синими индикаторами. На батареи с вечным зарядом.

— Не страшно, — сказал я. — Нам не страшен серый волк. Мы читеры, помните?

— Читеров банят, — заметил Кот философски. — Но пока — летайте. ДомовОй, предлагаю выдвигаться через час. Я буду управлять дронами в воздухе, давать карту маршрута. И если Нолды появятся — увидим первыми.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.